

От редакции. Предлагаем читателю шестой номер журнала, посвящённый Вишеградскому региону. В предыдущие годы тематика “Вишеградской Европы” трижды освящалась в приложении к журналу “Современная Европа”. В 2016 г. Вишеградская группа, включающая Венгрию, Польшу, Словакию и Чехию, отмечает своё 25-летие. Юбилей этого объединения свидетельствует о его стабильности и устойчивости. Разносторонним аспектам его деятельности посвящён этот номер. Вишеградский центр Института Европы РАН – единственный в России исследовательский коллектив, занимающийся комплексными исследованиями региона, отметит в 2016 г. своё 10-летие.

ПОТЕРЯННАЯ СВОБОДА, ОБРЕТЁННАЯ СВОБОДА?

Постсоветская история государств Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) насчитывает уже больше четверти века. За это время Вишеградская группа стран превратилась в достаточно влиятельный субрегион этой части Старого Света. Следующим рубежом его окончательного утверждения стало вступление Польши, Венгрии, Чехии и Словакии сначала в НАТО, а затем в Европейский Союз. При всей их индивидуальности и различиях, вишеградцы сумели найти способ выступать по ряду вопросов с согласованных позиций. Данная констатация не противоречит тому факту, что Варшава, Будапешт, Прага и Братислава могут иметь собственные интересы, порой несовпадающие друг с другом, как и с интересами соседей.

Сотрудничество этих четырёх членов ЕС на региональном уровне можно охарактеризовать термином “мягкое”,

имея в виду отсутствие жёстких правил и институциональных обязательств. Во многом такой формат взаимодействия можно сравнить с БРИКС, который пока является скорее международным клубом, чем межправительственной организацией. Как и БРИКС, Вишеградская группа с течением времени обретала всё более ясные очертания. Однако, в отличие от БРИКС и похожих межгосударственных формирований, у её субъектности есть жёсткие пределы – это, в первую очередь, обязательства в качестве стран-членов НАТО и ЕС. Что касается последнего, построенного на основе межгосударственности и наднациональности при постепенном усилении последней, то его идеология не предполагала формирования внутри этого объединения группировок, которые могли бы встать на пути центростремительных тенденций. Лозунг “единство в многообразии” не означал, что углубление инте-

грации в принципе должно иметь пределы.

Но комплиментарность Вишеградской группы по отношению к Евросоюзу соседствовала с другим явлением – с усилением в нём разношёрстности и разновекторности. С высоты сегодняшнего дня мегарасширение ЕС в 2004 г. часто оценивают уже не как демонстрацию силы этого регионального объединения, а как один из элементов его подспудно нарастающей рыхлости и неравномерности развития.

Конечно, по большинству вопросов новоявленные члены ЕС были лояльны Брюсселю; они достаточно глубоко погружены в интеграционную среду ЕС. Но в полной мере их лояльность европейской интеграции проявлялась до середины прошлого десятилетия. Впоследствии желание “четвёрки”, как и многих других новоиспечённых членов ЕС, с той же целеустремлённостью следовать по пути углубления интеграции, заметно поубавилось. Одно из наглядных проявлений этого – вопрос о членстве в еврозоне. Пока лишь только одно из государств Вишеграда – Словакия – отказалось от своей национальной валюты. И хотя все остальные взяли на себя обязательство рано или поздно вступить в еврозону, время, которое для этого требуется, похоже, с их точки зрения, не сокращается, а увеличивается.

И всё же, несмотря на беспрецедентные проблемы Евросоюза последних лет, решение четырёх восточноевропейских государств присоединиться к западноевропейскому интеграционному проекту имело для постсоветской истории и России огромное и не только символическое значение. В самом деле, при расширении ЕС (как и НАТО) в восточном направлении происходило не столько объединение западной Ев-

ропы с частями центральной и восточной, сколько добровольное поглощение последних на принципах и правилах, разработанных в Брюсселе. В результате произошла перекройка геополитической карты Европы, невиданная с 1945 г. О значении выхода из зоны советского, а затем российского влияния прибалтийских стран можно сказать, казалось бы, то же самое. Но по сравнению с вишеградской “четвёrkой” эта “тройка” уступала им по своему весу и в количественном, и в качественном отношении даже с учётом того, что среди “новобранцев” прибалты были в 2004 г. единственными постсоветскими республиками. К тому же членство в ЕС стало уже вторыми, социально-экономическими “воротами” на Запад (первыми были военно-политические – натовские).

Волна расширения 2004 года, как и вступление в ЕС Болгарии и Румынии в 2007 г., привела к небывалому за полвека изменению в расстановке сил в Восточной Европе как в экономическом, так и в военно-политическом отношении. Теоретически для России происходившие изменения, с точки зрения “потери” или “приращения” интересов, необязательно должны были иметь негативные последствия. Но это при условии, если Москва имела бы возможность следовать в том же направлении, что и вишеградская четвёрка, встраиваясь в ряды коллективного Запада. Однако ни её география и размеры, ни история, ни мировоззрение, ни отношение к ней самого Запада такой возможности не предоставили. В результате последнюю четверть века Москва и четыре бывшие социалистические столицы должны были устанавливать новый баланс интересов, взаимодействуя в изменившихся условиях.

Интересно отметить одну примечательную особенность поведения восточноевропейцев. Одним из главных, если не определяющим, побудительным мотивом их движения “на запад” было желание избавиться от роли “младшего брата” и восстановить свою независимость от Кремля и свободу действий. Однако этот мотив соседствовал, казалось бы, с противоположным устремлением – стать членом организаций, в которых, пусть и по разным причинам, но национальный суверенитет – понятие относительное: в НАТО – из-за асимметрии в отношениях между США и другими участниками блока, в ЕС – из-за “пула суверенитетов”. Другими словами, членство опять же за счёт возвращённого себе на рубеже 1980-х – 1990-х гг. суверенитета ради гипотетических или реальных приобретений.

В то же время, будучи встроенными в западноевропейскую интеграцию, вишеградские государства (как и ЦВЕ в целом) не были исключительно объектом этого процесса. Со временем они сами стали изнутри определённым образом влиять на него. В том числе и благодаря возрождению притягательности в условиях многостороннего кризиса Евросоюза идеи государственного суверенитета (по крайней мере, – автономности в принятии тех или иных решений, большей свободы рук). В столицах “четвёрки” изменились представления о “добавленной стоимости” интеграционного проекта; её члены стали более выборочно подходить к тому, что отвечает в действиях брюссельской бюрократии их национальным интересам, а что нет.

У внимательного наблюдателя ещё до расширения 2004 года могло возникнуть сомнение в отношении его последствий для дела сплочённости ЕС. Разногласия по поводу вторжения в

Ирак в 2003 г. показали, что умножение членов организации, очевидно, усилит многоголосие в ней. Появилось понятие “старая” и “новая” Европа. С 2008 г. мировой экономический кризис, переросший в Европе в кризис суверенной задолженности, масштабная безработица и другие напасти, а с 2014 г. и кризис миграционный, разделил Европу не только на “северную” и “южную”, но на “западную” и “восточную”. Да, преувеличивать противоречия между членами ЕС не стоит; Вишеград как часть ЦВЕ прочно вплетён в ткань интеграции. Но не видеть того, что пестрота взглядов и интересов внутри ЕС превысила все ожидаемые пределы, не меньшая ошибка.

Как и Евросоюз 28, Вишеград можно представить как полицентричную структуру со значительной асимметрией. Если в ЕС наибольшей “гравитационной силой” обладает Германия, то в “четвёрке” – Польша. Именно Варшава стремилась все последние годы утвердить себя в качестве восточноевропейского тяжеловеса, своего рода пятого или шестого лидера ЕС после Германии, Британии, Франции, Италии и Испании. Причём в Восточной Европе Польша претендовала на ведущие позиции, а в установлении погоды в отношениях с Россией – на монополию. Для Вишеграда, да и для всей ЦВЕ это имело двойные последствия в зависимости от того, совпадали ли позиции Польши с мнением соседей или расходились.

Если в своё время в категорию “новая Европа” попали все четыре страны, как позже все из них избежали участи таких полубанкротов, как Греция или Кипр, проект Восточного партнёрства внёс в их ряды разногласия, дифференцировал их в глазах внешнего мира. По вопросу о модальностях взаимоотно-

шений с Москвой антироссийский настрой Польши всё сильнее расходился с позицией других членов “четвёрки”. Разделительные линии появлялись не только внутри Вишеграда, но между его участниками и другими странами-членами ЕС. Так, уже длительное время с его стороны звучит критика Венгрии в связи с политическим развитием этого государства. С 2015 г. похожему нажиму по вопросам о правовых и демократических стандартах подвергается Польша.

Как достаточно своевольный игрок в ЕС, Вишеград проявил себя в роли одного из источников евроскептицизма. Это стало очевидным ещё в ходе переговоров о заключении Лиссабонского договора, а затем его ратификации. Особенно активно вела себя Прага в связи с проблемой “декретов Бенеша”.

В очередной раз открытое сопротивление намерениям Брюсселя вишеградцы оказали в отношении плана Еврокомиссии по “квотированию беженцев”, распределение которых должно было стать обязательным. В сентябре 2015 г. премьер-министры “четвёрки” в совместном заявлении указали на то, что насаждение солидарности недопустимо, а позже Словакия подала в суд ЕС в Люксембурге иск против Совета министров Евросоюза, оспаривая решение, которое всё же было принято.

За последнюю четверть века страны ЦВЕ и Вишеграда много получили от присоединения к проекту западноевропейской интеграции. После распада социалистического лагеря и смены общественного строя новоиспечённые политические элиты привели свои государства вначале в НАТО, а затем в ЕС. Но за это пришлось заплатить и определённую цену в виде встраивания в но-

вые для них стратегические проекты – социальный, экономический, военно-политический. Одни свободы они обрели, другие потеряли. В политических, военных, экономических взаимоотношениях с Россией вишеградцы поставили себя в зависимость от общей конъюнктуры на Западе, где тон по-прежнему задают США. В истории Европы политическое влияние Вашингтона ещё никогда не простиралось так далеко на восток. В разной степени эта конъюнктура поддерживает в Европе остаточное мышление времён холодной войны, замшелые страхи и фобии. Так, Прага, Будапешт и Братислава (чего не скажешь о Варшаве) в новых для себя реалиях оказались лишь сторонними наблюдателями того, как разжигался украинский кризис, а затем вводились санкции против России. Во многом вишеградцы оказались заложниками геополитических планов и решений, принимаемых не в их столицах (ситуация, возникшая в истории этих государств не в первый раз). Таким образом, делегирование части суверенитета, в этот раз на запад, а не на восток, принесло свои плоды и свои проблемы.

Идея “конца истории” уже давно превратилась в недоразумение. Ясно, что и современное положение дел, расклад сил на международной арене продолжают меняться. Так же как постсоветский мир не похож на биполярный, мир середины XXI столетия будет сильно отличаться от нынешнего. Хотелось бы, чтобы в обозримом будущем Россия и страны ЦВЕ, включая Вишеград, наладили между собой партнёрские и взаимовыгодные отношения.

Ал.А. Громыко